

М. Е. М а с с о н

ПАДАЮЩИЙ

МИНАРЕТ

М. Е. МАССОН

ПАДАЮЩИЙ МИНАРЕТ

(северо-восточный минарет Самаркандского
медресе Улугбека)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „УЗБЕКИСТАН“
ТАШКЕНТ—1968

**72С
М32**

*Из воспоминаний участника
поддержания и выпрямления
„падающего минарета“ 1918—1932 гг.*

Масоя М. Е.
Падающий минарет. (Северо-Восточный минарет Самаркандского медреса
Улугбека), Т., «Узбекистан», 1968.
44 стр. с илл. Тираж 50000.

**2-8-4
1968**

72С1

В 1965 году в советской и зарубежной прессе отмечалось одно из выдающихся событий в мировой реставрационной практике, а именно выпрямление в Самарканде сильно накренившегося юго-восточного углового минарета медресе Улугбека. Достигнутый в СССР исключительно высокий уровень техники позволил группе московских и узбекистанских специалистов при участии местных народных мастеров в короткий срок успешно справиться с этой далеко не простой задачей. Но еще в 1932 году — в иных условиях технической оснащённости нашей страны — было осуществлено выпрямление северо-восточного минарета этого памятника.

В Советском Союзе, в том числе и в Узбекской ССР, ежегодно ассигнуются крупные суммы на ремонт и реставрацию памятников культурного наследия прошлого. Внимание к ним и проявление заботы об их сохранности, завещанные еще В. И. Лениным, — специфическая черта советского государства с первых лет его существования, отмечаемая даже в пору тяжелых испы-

таний, когда наша страна подвергалась интервенции, была окружена фронтами гражданской войны и переживала экономическую разруху.

О характерном эпизоде из области охраны памятников в Узбекистане, начиная с 1918 года, и рассказывает один из его участников, старейший археолог Средней Азии М. Е. Массон в предлагаемом очерке. Напомнить нашим современникам о славном пути, пройденном предшествовавшим поколением, особенно уместно в связи с 50-летием Великого Октября.

*Главное Управление по охране па-
мятников материальной культуры
Министерства культуры Узбекской
ССР*

Первыми заметили это осенью 1918 года те, кто был ближе всего: kitabсары-мукавачи (букинисты-переплетчики). Их небольшие каркасные лавочки и одновременно переплетные мастерские располагались непосредственно вдоль северного бокового фаса отстроенного в XV веке самаркандского медресе Улугбека, внука Тимура, и были обращены выходами на улицу, соединявшую раньше главную городскую площадь Регистан с восточными воротами былой цитадели. Чинные, степенные, подчеркнуто углубленно сосредоточенные, но одновременно пристально внимательные, как подобает быть лицам, имеющим дело с книгой, они заметили, что находящийся позади их лавок и давно уже стоящий в очень наклонном положении, почти тридцатидвухметровый северо-восточный угловой минарет медресе снова, как и полтора года назад, пришел в движение. День от дня кренится он все больше и больше наружу, отрываясь от основного массива кладки здания. Даже к вечеру щель между стволом минарета и примыкающим помещением аудитории-дарсхана — становится чуть больше, чем была еще утром.

«Яман, яман (нехорошо), — покачивая головами, тихо делились бородатые kitabсары между собой своими впечатлениями. — Пятьсот лет стоял минарет, а

теперь может упасть. Но, иншалла (если угодно Аллаху), не упадет и все обойдется».

Первыми загалдели и подняли тревогу по поводу случившегося сидевшие напротив них по другую сторону улицы бойкие и плутоватые золотых дел мастера — заргары (ювелиры). Лишь только прослышали они о сделанных их соседями наблюдениях, как тотчас выспали на тротуар, сгрудились у мастерской самого старого и почтенного таджика-ювелира и принялись громко обсуждать положение. Потом всей гурьбой ходили на Регистан и издали смотрели на крен минарета. Почти единодушно придя к заключению, что минарет рухнет именно на их лавки, а не на угол медресе XVII века Тилля-Кари (как втихомолку давно порешили промеж себя китабсатары), заргары сочли необходимым тотчас поставить об этом в известность базарного старосту и тюру — Вяткина, считавшегося по старой памяти как бы официальным надзирателем за состоянием самаркандских памятников.

Когда к нему, в то время помощнику народного комиссара Самаркандской области, вошли в кабинет делегаты от встревоженных заргаров и один чайханщик, чье заведение примыкало к минарету, он, выслушав сделанное ими заявление, вызвал к себе областного архитектора Михаила Федоровича Мауера и вскоре же вместе с ним зашагал на Регистан.

Осмотр длился свыше часа. Выслушаны были все, желавшие что-либо сказать. Китабсатары ничего не предлагали, ограничившись изложением своих наблюдений над трещинами. Заргары настойчиво добивались принятия каких-либо решительных мер, чтобы предотвратить катастрофу.

Василий Лаврентьевич Вяткин слушал всех, изредка отзываясь короткими неопределенными репликами, спо-

койно произносимыми низкой басовой октавой, когда от назойливого говоруна никак уже нельзя было отмолчаться. Михаил Федорович Мауер в очки и поверх очков, опуская их на кончик носа, рассматривал по очереди щели в здании медресе и ораторов, несколько раз раздувал свою трубку, молча дымил, прищуривался, глядя вверх на все минареты медресе Улугбека и Шир-Дор, и иногда, двигаясь одним боком вперед, опираясь на палку, делал по несколько размашистых шагов то в одну, то в другую сторону и останавливался.

— Так как, Михаил Федорович, — в последний раз обратился к нему с вопросом Вяткин, — на чем решили?

— Что же решать? — как всегда чуть запальчиво откликнулся архитектор. — Решать нечего! Минарет действительно начал поступательное движение. Но куда и когда он упадет, сказать сейчас нельзя. Наблюдать надо. А там посмотрим, что предпринять дальше.

Вечером в тот же день В. Л. Вяткин побывал у своего приятеля, такого же как он любителя археологии, инженера Бориса Николаевича Кастальского. Только что демобилизовавшийся, вернувшийся с фронта империалистической войны, где он был начальником инженеров особой армии, скорый на решения и очень реалистичный в оценке конкретной обстановки, Кастальский предложил немедленно создать специальную комиссию для решения вопроса о судьбе минарета. Любя поострословить и иногда не без яда, старый генерал тут же рекомендовал назвать ее «комиссией по оказанию скорой помощи минарету».

Небольшая, как ее шутя называли «самостийная комиссия», поскольку она никак не была оформлена каким-либо приказом и никем никогда не утверждалась, приступила к работе через два дня. Она тотчас органи-

зовала наблюдения за скоростью и направлением поступательного движения минарета, а также провела горячие дебаты об его дальнейшей судьбе. Было ясно, что он, представленный сам себе, в скором времени дойдет до критического наклона и рухнет. Падение огромного массива повлечет за собой известные материальные убытки, так как при этом будут разрушены какие-то соседние строения. Может быть, окажутся и человеческие жертвы. Допустить до этого позорно!

Вставал вопрос — что же делать?

Члены комиссии отчетливо сознавали, что знаменитое медресе Улугбека является памятником большого научного и художественного значения и что главный его фасад без одного углового минарета окажется недопустимо обезображенным. Пропадет при этом и цельность всего прекрасного архитектурного ансамбля, который складывается из зданий медресе Улугбека, Шир-Дор и Тилля-Кари, с трех сторон обступающих площадь Регистан. На этом сходились все. Но дальше возникли разногласия.

Сторошник по возможности простых и немедленных действий, Б. Н. Кастальский предлагал аккуратно разобрать минарет по кирпичику до основания и затем заново восстановить его в том виде, как он был, но уже в вертикальном положении. М. Ф. Мауеру представлялось более правильным попытаться выпрямить минарет без разбора, что он и теоретически и практически считал вполне возможным. На заседаниях оба горячились, повышали голос, порой кричали друг на друга. Споры продолжались на улицах, на бульваре, на площадях. Кастальский уверял, что пока его «противник» будет производить вычисления всяких возможностей, минарет упадет кому-нибудь на голову. Мауер настаивал, что после реставрации по проекту Кастальского памятник

старины будет фактически уничтожен и на его месте окажется не имеющий никакого научного значения и может быть безобразный по своему выполнению «новодел». Мнения в комиссии разделились. Вяткин осторожно не примыкал ни к одному ни к другому.

Между тем судьба падающего минарета стала достоянием общечеловечности. Многие чувствовали, что «спасти» его — дело чести нового революционного порядка. Вспоминали, что при старом режиме в Самарканде, да и в других местах, имели место несколько случаев падения старинных минаретов. Так, в 1870 году упал один из четырех минаретов этого самого медресе Улугбека. В 1868 году рухнул один, а в 1903 году и второй минарет у мавзолея Гур-Эмир с могилой Тимура. В 1897 году у сильно наклонившегося углового дворового минарета мечети Биби-Ханым, последнего из когда-то бывших четырех, по распоряжению администрации городской архитектуры Нелли разобрал верх. При Советской власти этого допустить нельзя. Внимание памятникам искусства! Новым пришедшим к власти людям хотелось иного, чем прежде, нового отношения ко всему, в том числе и к памятникам старины. Их подкупала научно обоснованная аргументация Мауера. В его смелом предложении «оторвать» громаду минарета от здания, качнуть его, выпрямить и опустить на свое прежнее место целиком они чувствовали что-то созвучное прокатывавшимся по всей стране волнам революционного подъема. Возражения Кастальского воспринимались как скепсис «неперестроившегося еще старорежимного спеца».

— Что вы станете делать, — спросил он как-то во время публичной дискуссии Мауера, — если во время нашего выпрямления минарет переломится и упадет на тех, кто его будет приводить в движение?

— Когда минарет будут выпрямлять, — не задумываясь, отпарировал спрошенный, — я сам буду стоять у его основания. А он и не переломится и не упадет.

Крылатая фраза быстро облетела многие недавно тогда сформированные советские учреждения Самарканда. В словах старого архитектора звучала дерзновенность под стать молодой Туркесреспублике. И когда в Горсовет поступили сметы и заявки на материалы, потребные для временного закрепления минарета в наклонном состоянии, то несмотря на финансовые трудности и исключительную дефицитность леса, гвоздей, скоб, троса и прочего, нигде не было никаких отказов и задержек. Советская общественность реагировала быстро и очень дружно.

Вскоре во дворе медресе были вкопаны в землю глубокие деревянные якоря. Минарет на половине высоты «поясали» досчатым корсетом, а двадцать четыре стальных троса, весившие 36 тонн, перехватили его накренившийся ствол. В течение некоторого времени измерительные приборы отмечали еще небольшие, с каждым днем уменьшавшиеся движения минарета в сторону наклона. Система тяжей, постепенно натягиваясь, пружинила все сильнее. Еще немного и минарет «остановился», отойдя своей верхней частью от нормального положения все же на 1,8 метра.

«Остановился!»

Это была первая крупная победа.

Позднее несколько раз приходилось и заменять подгнившие якоря и переносить их на новое место, когда у минарета намечались изменения в направлении возможного падения. Но в общем временная система на много лет задержала дальнейший наклон памятника. В зимнюю пору упруго натягивались сокращавшиеся от низких температур тросы, и проносившийся холодный ве-

тер заставлял их заунывно и жутко гудеть, навевая тоску на слышавших эти звуки, словно издаваемые струнами гигантского инструмента сказочных великанов.

— Ну, запела «чертова гитара», — далеко не беззлобно ворчал на нее десятник Мауера, Маржанов, оживший при этом почти суеверно каких-либо неприятных последствий.

Их, однако, не было. Зато «чертова гитара» позволила архитектору Мауеру спокойно производить свои многолетние наблюдения и вычисления, обеспечившие потом успешное осуществление ответственной работы по выпрямлению минарета всего целиком.

Михаил Федорович вообще терпеть не мог спешки и любил все делать медленно, но очень точно и доброкачественно. Родившийся в 1866 году, он получил образование в Николаевском военном инженерном училище. Начитанного, вдумчивого юношу-юнкера захватили труды и идеи Маркса и Энгельса. Это свело его с петербургской передовой интеллигенцией и революционными кругами. Попав по назначению в Киевский арсенал, он включился там в подпольную агитацию среди рабочих в качестве одного из активных участников крупного заговора, ставившего своей целью свержение самодержавия. Хотя при его раскрытии в нем было уличено свыше трехсот человек, но военному суду предали только двадцать девять. Среди них первой по списку стояла фамилия Мауера, наотрез отказавшегося давать какие бы то ни было показания следователям. Его разжаловали, посадили сперва на гауптвахту в Киеве, а затем вскоре же перевезли в Петербург. Там его поместили в знаменитый суровым тюремным режимом для подсудимых политических заключенных Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Когда год с лишним спустя процесс по делу Киевского арсенала был закон-

чен, Мауера присудили к каторжным работам. По «высочайшему повелению» Александра III приговор был смягчен, и его сослали солдатом в Фергану в 18-й линейный батальон, где он и «просолдатствовал» около пяти лет. Однажды за попытку в порыве возмущения ударить по лицу офицера он чуть было не угодил на каторгу. Дело замяли и, когда полковник Ионов собирал охотничью команду для своего Памирского отряда, ходившего дозором вдоль границ Китая и Британской Индии, то командир 18-го батальона, желая облегчить участь Михаила Федоровича, направил его в этот отряд. Солдатом прошагал Мауер по Памиру еще год. Чтобы дать ему возможность расстаться с «военной ссылкой», его достаточно либеральное начальство выхлопотало ему «как исправившемуся» возвращение офицерского чина, после чего Мауер, тотчас выйдя в отставку, устроился на должность исполняющего обязанности городского архитектора сперва в Скобелеве, ныне Фергана, затем в Коканде. После 1905 года уездный начальник Медынский «по знакомству» неофициально посоветовал ему покинуть Фергану, где Мауер был снова «скомпрометирован» своим участием в революционном движении. Надо было «покориться». Учтя к тому же, что неудача с возведением одного сооружения последовала из-за упущения остававшихся ему неизвестными расчетов, Михаил Федорович уже в летах (ему было под сорок) решил пополнить свое образование. Он поступил в Рижский политехнический институт на отделение гражданских инженеров. Работоспособный, даровитый, бородатый студент обратил там на себя внимание не только досрочным окончанием курса. Его прочили оставить при Институте для подготовки к профессорской деятельности. Но это не привлекало Мауера. И он вскоре же вернулся в Туркестан. 1917 год застал его на

должности самаркандского областного архитектора, ведущим борьбу с концессионерами Бельгийского анонимного общества, пытавшимися заключить рваческий договор на устройство и эксплуатацию в Самарканде городского трамвая.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла с собой новую, коренную и последнюю перемену в его жизни, когда, начав с решения проблемы по выпрямлению минарета, Михаил Федорович нашел, наконец, свое подлинное призвание — быть архитектором-реставратором. Тут на новом поприще оказались особенно пригодны все его природные качества и приобретенные знания. Тонкий хороший вкус, повышенная требовательность ко всему и к себе в первую очередь, блестящие математические способности, умение оригинально мыслить — все это сочеталось в нем с честным, бескорыстным служением делу, с широконаучной постановкой любого вопроса, с подходом к решению его одновременно и со специальной технической стороны, как инженера-конструктора, и с исторической, как исследователя памятников прошлого.

За много лет им было выполнено немало разных ответственных ремонтно-реставрационных работ на среднеазиатских архитектурных памятниках и связанных с этим талантливых теоретических исследований, которые он по природной скромности за научные работы не считал. Уже после смерти М. Ф. Мауера именно его проект был принят в 1947 году к исполнению при закреплении купола мавзолея Гур-Эмир в Самарканде. Но, может быть, главной заслугой являлось то, что в конкретной обстановке первых лет революции Михаил Федорович был первым творцом в Средней Азии научно обоснованной архитектурно-реставрационной практики, новых идей в этой области и пионером заложения хороших традиций.

Все это, однако, пришло потом, постепенно, с течением времени. В 1918 году, когда по распоряжению революционной власти была прекращена деятельность всех трех регистанских медресе, использовавшихся врагами народа в интересах контрреволюции, и даже в 1919 году Михаил Федорович сам еще был «новичком», да и «развернуться» ему было трудно. Правда, тогда при Областном комиссариате народного образования была организована просуществовавшая некоторое время комиссия по охране памятников старины под председательством художника А. К. Татевосьяна (ныне заслуженного деятеля искусств УзССР). Ей удалось добиться приказа о сносе всех лавок, которые отгораживали Регистан от главной улицы и кое-где вплотную примыкали к памятникам, оказывая вредное влияние на самые здания и портя общий вид прекрасного архитектурного ансамбля. И Регистан действительно был «очищен» от посторонней застройки частными лавчонками и торговыми балаганами, несмотря на неудачные попытки их владельцев спасти положение взятками в виде мешочков с золотыми монетами царского чекана, от которых по непонятным торгошеской психологии причинам отказывались все члены комиссии по охране памятников. Но последняя сама не обладала достаточными средствами для разворота работ в желательном Мауеру объеме.

Это оказалось возможным в следующем 1920 году, когда в самом конце мая Самарканд посетили ответственные работники Главархива РСФСР и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. По предложению членов последней — товарищей В. В. Куйбышева и М. В. Фрунзе была учреждена специальная Самаркандская комиссия по охране памятников старины и искусства «Самкомстарис» в составе трех секций: техниче-ско-строительной, художественной и археологической. Комплектуя ее состав, при-

ходило иметь дело, выражаясь словами В. И. Ленина, с теми, «кого оставил капитализм со вчера на сегодня».

Председателем после долгих уговоров согласился стать Василий Лаврентьевич Вяткин: он побаивался, что не справится с работой, намечавшейся в очень широких масштабах. Во главе строительной секции был поставлен Б. Н. Кастальский. М. Ф. Мауер вошел в нее как член, работающий над специальным заданием по выпрямлению минарета, с чем в ближайшие годы тематически была увязана большая часть практической деятельности других секций. Пост заведующего археологической секцией в течение нескольких лет занимал по совместительству автор этих воспоминаний, самый и единственно юный сотрудник Самкомстариса, тогдашний заведующий Самаркандским областным музеем М. Е. Массон.

Наиболее многочисленной по своему составу и шумной по своему проявлению была художественная секция. Ею заведывал прибывший из Москвы член Всероссийской коллегии по охране памятников старины и искусства, художник-медальер Д. К. Степанов. Проживавший одно время в Италии, любивший таинственно намекнуть, что ему якобы известны какие-то особенные секретные рецепты глазурей Ватикана, он вывез из Рима жену, невысокую толстую итальянку и был почти целиком поглощен заботами о содержании рожденных ею четырех детей, которых в комиссии за глаза с легкой руки Б. Н. Кастальского называли «ичкимерами», то есть «козосами» (так именует местное население крупных ящериц-варанов, будто бы высасывающих молоко у коз и овец). В Самкомстарисе Степанов принял на себя в основном попечение над разрешением вопросов бюджетно-хозяйственного порядка. Это было весьма нелегким

делом в ту пору, в частности, из-за большой неустойчивости валюты и неуклонного падения стоимости бумажных денег, когда такой незначительный расход, как покупка карандаша, выражался забавной цифрой в несколько тысяч рублей, а скромные месячные сметы секций исчислялись многими миллионами. Чтобы на более длительный срок задержать возможно большую покупательную способность денежных переводов, получавшихся на содержание Самкомстариса, Степанов тратил немало времени на всякие выдумки. Одной из наиболее удачных была закупка кишмиша. Мешками складывался он в одном из помещений медресе Улугбека всякий раз после очередного, обычно сильно запаздывавшего почтового перевода и реализовался по мере надобности в день производства того или иного расхода. Кишмишом выдавалась два раза в месяц и зарплата сотрудникам. Некоторое осложнение вносила в расчеты также разница в курсе одновременно обращавшихся центральных денежных знаков и туркбон, ценившихся в десять раз дешевле первых. Успешно занимаясь всем этим, Степанов тем самым представлял возможность остальным членам комиссии целиком отдавать свое время продуктивной производственной работе. В частности, художественную секцию фактически возглавлял прибывший из Ташкента художник Иван Семенович Казаков.

В его бригаду входили художник Александр Васильевич Николаев («Усто Мумин»), реставратор-антиквар Михаил Васильевич Столяров и художник Алексей Владимирович Исупов. Последний попал в Самарканд по мобилизации в первую мировую войну, а позднее, в 1926 году в связи с туберкулезом выехал в Италию, где был активным членом антифашистского подполья в Риме в 1942—1944 гг. В его квартире по улице Джулио Чезаре, дом № 51, напротив фашистских казарм подолгу скры-

вались бежавшие из плена советские бойцы в ожидании удобного случая вступить в партизанские отряды.

Сам Иван Семенович, сосланный в Туркестан за участие в забастовках и антиправительственных выступлениях в 1905 году, большой энтузиаст, захваченный размахом Октябрьской революции, мечтал в 1920 году о создании такого невиданного еще альбома по изучавшемуся памятнику, в котором бы таблицы отражали архитектурные декорации в натуральную величину. Поэтому его художники в начале были «рассыпаны» по всему медресе и, примостясь, кто как умел, на разных высотах, усиленно занимались калькированием и притирками. Для Столярова же устроили специальные подмости под аркой главного портала, и, взбираясь на них, он много недель затратил на деликатную работу по очистке некоторых мозаичных панно и надписей щипцовой стены от покрывавших их вековой грязи и лишайников. В результате прекрасным мозаикам были возвращены первоначальные яркость, сочность и глубина. Остальные работники корпели над огромными картонами, добиваясь иногда совершенно исключительных успехов в передаче акварелью тонов, мелких кракюр и всякого рода повреждений глазурованных поверхностей мозаик. Приложенные к стенам рядом с подлинниками, выполненные А. В. Исуповым художественные копии натуральной величины почти ничем не отличались от них. Эти несомненные достижения честно признавали даже те, кто не перил в возможность осуществления грандиозного альбома и всю затею с ним иронически называли «Казакской гигантоманией». Против этого вообще незлобивый от природы Иван Семенович затаил в глубине души обиду. Он отомстил и отвел душу только на заседании Самкомстариса 7 октября во время своего

доклада об окончании работ по художественной фиксации «падающего минарета» во всех подробностях.

— Когда минарет упадет, все его декорации могут быть восстановлены до мельчайшей детали, — ядовито закончил Казаков свою информацию, глядя в упор на членов технико-строительной секции и давая тем понять, что художественная секция тоже не очень-то верит в благополучное завершение предприятия по поддержанию и выпрямлению минарета целиком.

Но никто не обиделся на эту выходку, как и вообще не сердился на голосистого чудаковатого добряка, всегда по-товарищески делившегося с инженерно-техническими работниками Самкомстариса остатками того чистого спирта, который получался по линии художественной секции «для промывки изразцов».

Технико-строительная секция очень остро реагировала на судьбу «падающего минарета», у которого к концу осени 1920 года снова наметилось поступательное движение, вызванное тем, что ослабили подгнившие якоря. Всецело разделяли точку зрения своего заведующего В. Н. Кастальского, ее инженерно-технические работники, кроме Мауера и его техника; составили особый протокол осмотра памятника, где в энергичных тонах указывали на «недопустимость современного положения дела» с наклонившимся минаретом и о «невозможности далее откладывать его перекладку» ввиду грозящей катастрофы. Протокол был зачитан в дождливый и холодный день на одном из октябрьских заседаний комиссии. По его содержанию члены Самкомстариса, сидевшие на досках и кирпичах у единственного тогда собственного письменного стола, снова свыше трех часов вели бурные дебаты. Высокие своды юго-восточной угловой дарсханы медресе Улугбека через открытые окна гулко разносили звуки громких голосов вошедших в азарт «про-

тивников». У открытых в проходное помещение дверей собралась толпа любознательных узбеков, с интересом следивших за горячей научной полемикой, которую зрители определяли как «джанджал» («ссора», «скандал»). В дарсхане невозмутимое спокойствие сохранял один Вяткин. Только наступившие сумерки положили конец жарким прениям и почти в темноте вынесено было постановление о созыве специальных комиссий с приглашением авторитетных технических консультантов из Ташкента и из центра для решения ответственного вопроса. Комиссии позднее собирались неоднократно. Проводились длительные заседания, опять-таки сопровождавшиеся горячими спорами, но после всяких сомнений и колебаний всякий раз под конец склонялись в пользу точки зрения Мауера, убежденные непреложностью приводившихся им доводов и технических расчетов.

«Падающий минарет» являлся только одним из наиболее «болезненных» вопросов инженерно-технической секции в 1920 году и позднее. Помимо него, было очень много дел, с которыми секция, несмотря на всякого рода трудности, справлялась довольно успешно. Памятники Самарканда, и особенно их крыши, были в самом плачевном состоянии. Срочное обследование их, составление актов осмотра и реставрационных смет, осуществление в разных местах наиболее неотложных ремонтов — все это было выполнено только благодаря энергии заведующего инженерно-технической секцией. При ней были собраны лучшие уста (местные мастера-строители) во главе со старейшим из них Абду-Кадыром Абду-Бакиевым, из потомственной семьи зодчих, пользовавшихся с начала XIX века известностью в Бухаре и в Афганистане. Почтенные мастера получали через комиссию некоторое материальное пособие в виде пенсий и делились своим опытом при обсуждении отдельных вопросов,

а иногда даже принимали непосредственное участие в самом производственном процессе. Именно ими было сообщено несколько старинных рецептов *азебастровых* и известковых растворов, в том числе гидравлических, которые тогда же использовали в виде пробы при перекладке крыши медресе Улугбека. Они же участвовали в первых реставрационных работах по восстановлению нижних частей главного фасада этого медресе с перекладкой рухнувшей летом одной из угловых полуколоннок и с облицовкой довольно больших площадей изразцовыми кирпичиками, добытыми археологической секцией при рытье у памятника исследовательских шурфов.

Используя возможности Самкомстариса, наиболее серьезную исследовательскую работу развернул по медресе Улугбека Михаил Федорович Мауер. Решая судьбу минарета, он считал себя обязанным при установлении точного диагноза его современного состояния и вызвавших это причин знать все, что возможно, по истории памятника, начиная с момента его сооружения. Дома его рабочая комната в эту пору была наполнена самой разнообразной востоковедческой и искусствоведческой литературой по Средней Азии и другим сопредельным странам Востока. Натасченная из казенных библиотек, из музея и от частных лиц, она не умещалась на полках, заваливала столы, подоконники, кресла, стулья, чертежные доски. Самого Михаила Федоровича можно было застать стоящим на коленях у кушетки перед занимавшими ее целиком книгами и альбомами в раскрытом виде и решавшим какую-нибудь проблему из истории среднеазиатского или вообще восточного феодального зодчества. Желая знать о медресе Улугбека все досконально, он не очень доверял чужим европейским переводам с восточных языков. Чтобы иметь возможность самому не только контролировать некоторые необходимые ему ис-

торические тексты, но и улавливать их доподлинный смысл, он принялся за изучение персидского языка и в конце концов одолел его в нужном для него объеме.

На Регистане Михаил Федорович лично производил детальные архитектурные обмеры изучавшегося медресе и вел тщательные наблюдения за состоянием подвешенного на стальных тросах минарета. Когда же ему удалось, наконец, добиться в 1920 году получения хорошего теодолита, он много дней провел за наблюдением и вычислением точного положения всей громады минарета в пространстве, сделав измерения по сечениям его тридцатидвухметрового ствола через каждые пять сантиметров и исписав мелким почерком специально для него достававшийся солидный бухгалтерский «гросбух». С помощью теодолита было определено большое число других точек на медресе Улугбека и Шир-Дор.

Чтобы увязать между собой все результаты кропотливой и значительной по объему работы по инструментальным измерениям и закрепить за единым исходным данным абсолютную точность, Мауер при установлении основного репера определил проходящий через него истинный меридиан. Внимательно следившая за всем, что творилось в Самаркандской области и живо откликавшаяся на все новое и сколько-нибудь интересное, местная пресса тотчас оповестила граждан, что комиссией по охране памятников разбит на Регистане истинный меридиан. Читательская масса быстро отреагировала на сообщение и в течение нескольких дней Самкомстарис и ее отдельных сотрудников осаждали многочисленные любознательные горожане, желавшие увидеть, а если удастся, то и попробовать на ошупь, впервые разбитый меридиан. После осмотра показывавшихся им высеченных на мраморных плитах небольших крестиков и двух коротких отрезков прямой линии многие уходили разоча-

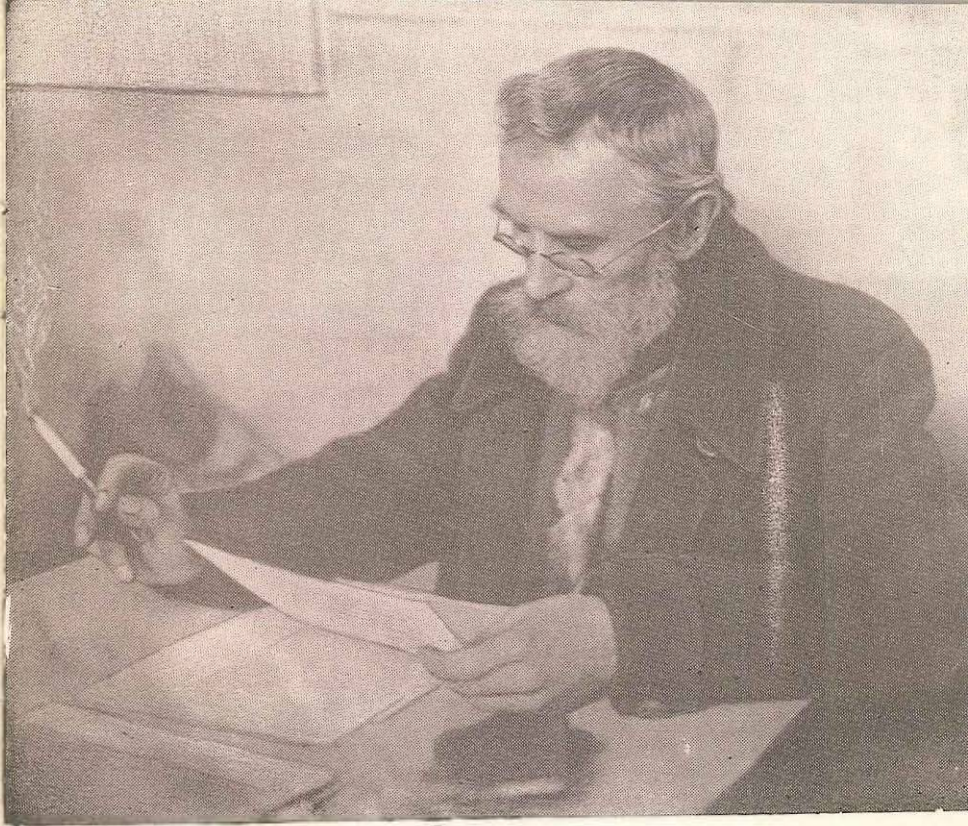
рованно-обиженными. Одни считали, что самкомстари-совцы по им одним ведомым мотивам нарочно скрывают свой меридиан. Другие полагали, что им просто морочат голову. Третьи, верившие на слово дававшимся объяснениям и огорченные невзрачностью вида «истинного меридиана», от души советовали как-то иначе организовать его показ.

— Вы бы хоть дорожку из мрамора поперек Регистана выложили, — советовал один пожилой совслужащий из совнархоза, — да в ней желобок высекли. А в желобок хорошо бы медную полосу вделать. Опять же в северном конце для наглядности острее стрелки показать не мешает. Да со стороны улицы распушить полосу оперением, чтобы все было по правилам. А так это что же — крестики да маханье руками в воздухе: вот, мол, по какому направлению первый Самаркандский меридиан.

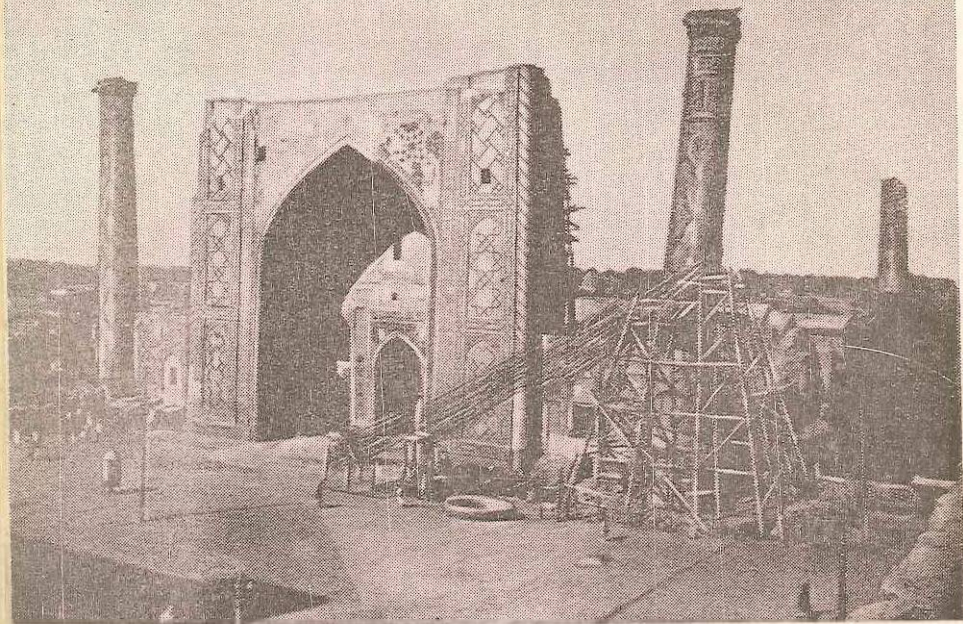
— Я и то им говорю, — поддержала протест посетителей бойкая молодая женщина из профсоюза Всерабис, — побольше надо, товарищи, внимания трудящимся. Есть достижение — доведи его как следует до всех! Пойдемте самого Вяткина просить, чтобы хоть проволоку по воздуху протянули. Все-таки первый в Самарканде правильный меридиан. Многим интересно. А скоро ли еще другие-то будут!

Когда некоторое время спустя, между деревянными столбами, вкопанными в связи с оформлением площади Регистан для манифестаций, горместхозом была протянута проволока, многие были уверены, что это и есть «истинный меридиан».

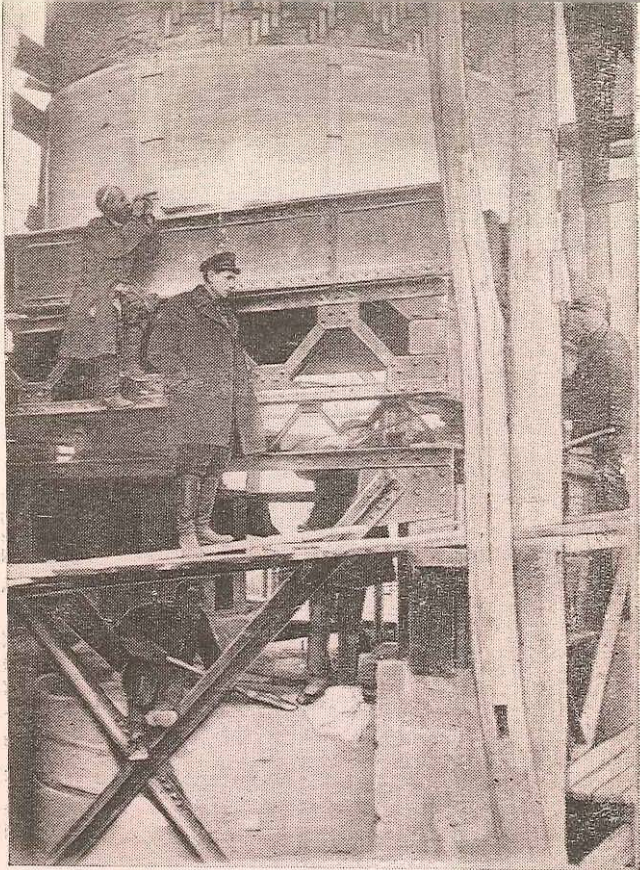
— А для чего она в обе стороны загибается? — скептически заметил как-то раз взрослым по этому поводу мальчик из третьего класса школы 1-ой ступени.

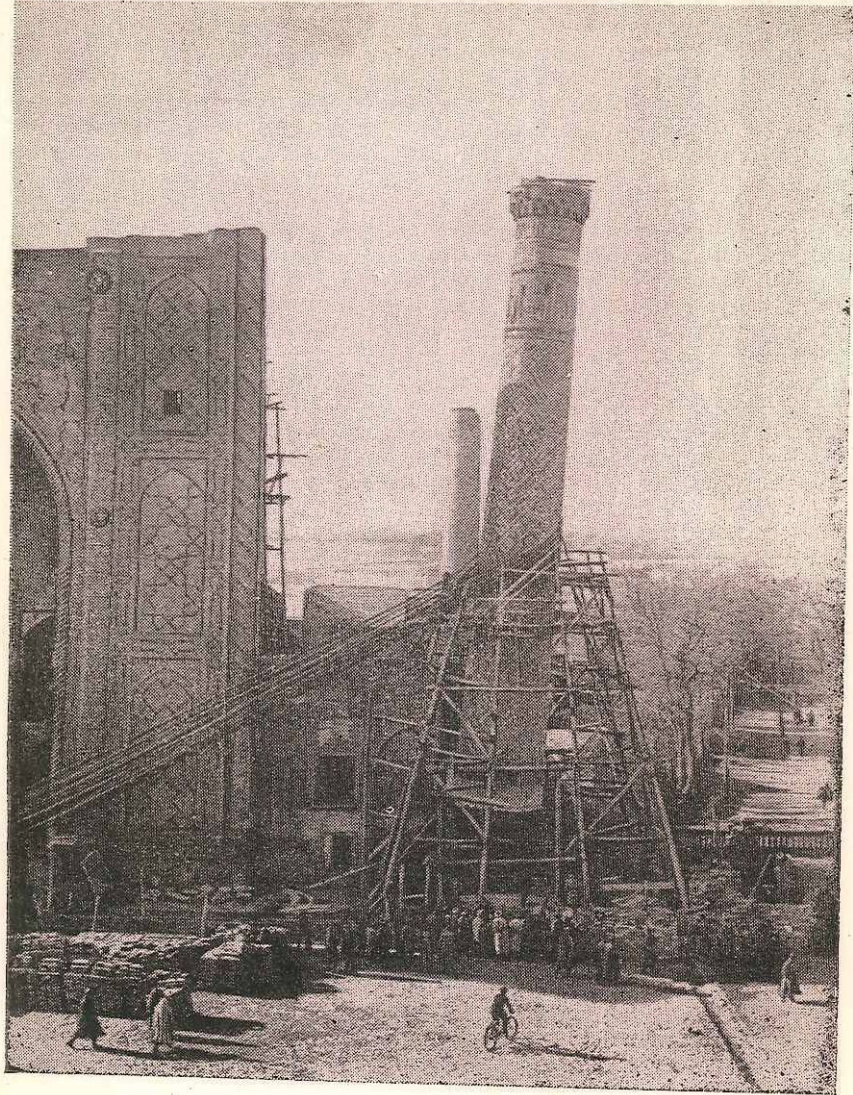
Архитектор М. Ф. Мауер.

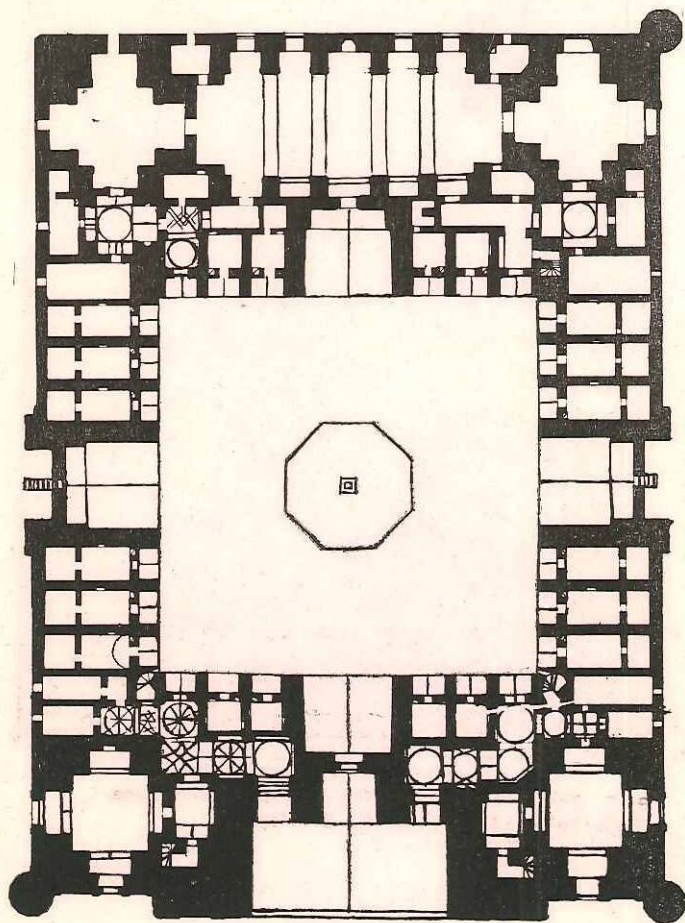
Главный портал медресе Улугбека. (Фото 1931 г.).

Металлическая конструкция в
основании северо-восточного минарета
медресе Улугбека (1932 г.). На переднем
плане техник Г. И. Соловьев.

Начальный момент выпрямления минарета медресе
Улугбека. (1932 г.).

10 5 10
МЕТРОВ

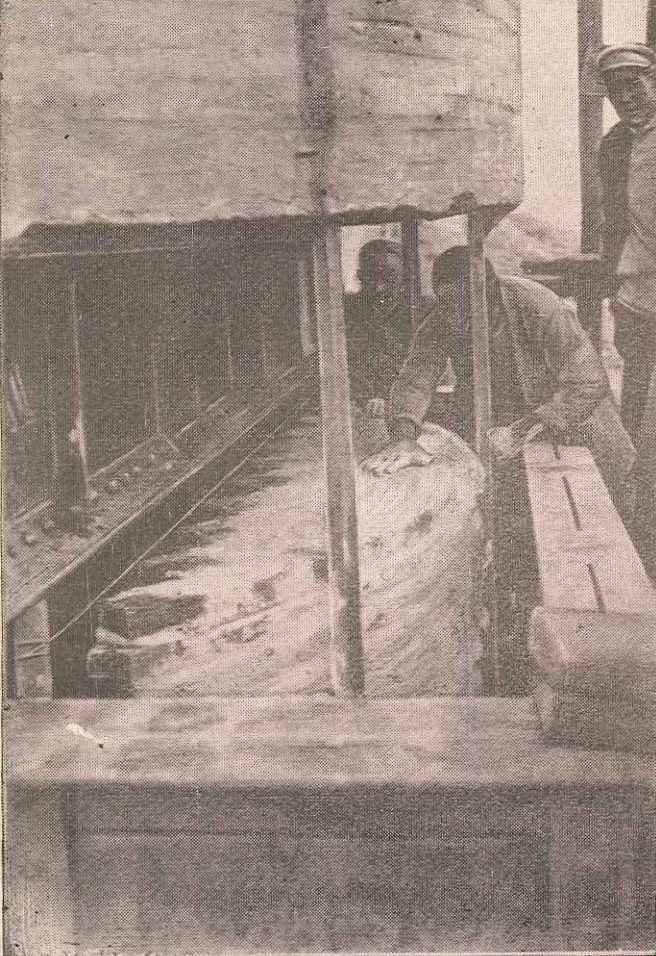
План медресе Улугбека.

В. Л. Ваткин (слева) и Абду-Кадир Абду-Бакиев.
Зарисовка художника А. В. Исупова.

1932 год. Фото снято тотчас после установки минарета медресе Улугбека в вертикальном положении.

Кладка северного сегмента в основании
минарета медресе Улугбека. (1932 г.).

— Должно для более прочного закрепления, — отреагировал объяснявший.

Это ложное представление долго держалось среди самаркандцев, несмотря на «разоблачительные» объяснения никак не повинных в том сотрудников комиссии.

Археологическая секция Самкомстариса была самой маленькой по своему составу. Членами ее числились В. Л. Вяткин, И. А. Кастанье, а после него М. Е. Массон. Кастанье — чисто формально и недолго. Парижанин по происхождению, от рождения без двух пальцев на правой руке, активный член дореволюционного Туркестанского кружка любителей археологии, преподаватель французского языка Ташкентских средних учебных заведений и, как потом выяснилось, агент-осведомитель французской службы, И. А. Кастанье прибыл в Самарканд в середине мая 1920 года в составе первой группы особой Археологической комиссии Цуардела. Средних лет, невысокий, сухой, предприимчивый и подвижный он привез с собой из Ташкентского музея небольшую беспаспортную «каменную бабу», видимо, семиреченского происхождения и военный полевой телефон с несколькими катушками провода. Первую он неудачно пытался обменять Самаркандскому музею на глиняный прямоугольный зороастрийский гробик-оссуарий. Второй собирался использовать на Афрасиабе во время намечавшихся им раскопок, которые он думал вести коридорами. Для сообщения по ним и предполагалось протянуть провода полевого телефона.

Приезд его в Самарканд был вызван несколько случайными обстоятельствами. Как раз в эту пору в Ташкенте формировалась смешанная экспедиция для подробного комплексного обследования грандиозной ферганской пещеры «Кан-и гут» (Рудник гибели). Кроме геолога, топографа, зоолога и ботаника, предполагалось

включить в число участников археолога. И. А. Кастанье в последние годы усиленно рекламировал себя как археолога-спелеолога, то есть специалиста по изучению пещер. В подтверждение он с разными вариантами всюду не без эффекта рассказывал выдуманную им невероятную историю, как во время обследования одной бухарской пещеры, когда ему пришлось ползти на четвереньках по узкой темной галерее, вокруг его шеи вдруг неожиданно обвилась ядовитая очковая змея из семейства кобр и начала душить своими тисками. Находясь уже на краю гибели, он вспомнил, что в кармане брюк находился перочинный ножичек, вынул его, раскрыл и, почти задохавшийся, осторожно, чтобы не задеть себя, перерезал на своей шее по очереди одно за другим три обвивавшие ее кольца туловища змеи, которая имела свыше двух метров длины и была толщиной в 10 сантиметров. Естественно, что при подыскании археолога для Канигутской экспедиции его кандидатура была выдвинута в первую очередь. Трусливый от природы, Кастанье, побаиваясь встречи в ферганских горах с орудовавшими там в то время басмачами, сумел уклониться от предложения под благовидным предлогом необходимости выезда в Самарканд для обследования состояния архитектурных памятников.

Здесь версия об его счастливом избавлении от смерти в подземных ходах бухарской пещеры не произвела ожидавшегося впечатления. Ему были высказаны сообщения, что ядовитые и, в частности, очковые змеи никогда не обвивают кольцами своих жертв, а что проделывающие это неядовитые туркестанские удавы не достигают приводимых им размеров, да к тому же не обитают в горных пещерах. Это вызвало с его стороны в защиту вероятности рассказанного происшествия энергичную попытку оправдаться тем, что зоологами в Тур-

Кестане установлены еще не все породы водящихся в крае змей и, в частности, тех, которые обитают в малодоступных и необследованных пещерах. Тем не менее, бойкий француз после этого как-то сник. Оказавшись затем еще и полным профаном в части среднеазиатской архитектуры, Кастанье совсем стушевался и уже ни во что не вмешивался за свое почти месячное пребывание в командировке, лишь молча присутствовал на некоторых заседаниях комиссии. Испросив разрешение выбрать для себя кое-какие образцы археологической керамики из отвалов прежних дореволюционных раскопок Вяткина, он занимался в основном этим, а 11 июня навсегда покинул Самарканд, увозя немало мешочков с фрагментами средневековой афрасиабской глиняной утвари, которые он, покинув вскоре Советскую страну, захватил с собой на родину в Париж.

Шесть дней спустя после отъезда Кастанье из Самарканда археологической секцией Самкомстариса начаты были большие земляные вскрытия на медресе Улугбека для выяснения состояния нижних подземных частей памятника у всех минаретов, а затем и в ряде других мест.

Первоначально предполагалось, что будет обкопан до фундамента падающий минарет, а кое-где в других пунктах намечалось заложить контрольные колодезобразные шурфы. Однако вскрытия сразу же стали давать исключительно интересные данные и не только с точки зрения инженерно-технической, но и для истории самого памятника. Решили объем земляных работ увеличить. К началу третьего месяца было осуществлено уже 16 крупных шурфов у медресе Улугбека и один шурф у северо-западного минарета медресе Шир-Дор. Некоторые из шурфов достигали 11 метров глубины от современного уровня земли.

Выяснилось, что при постройке медресе выкапывались огромные котлованы. Самые глубокие из них приходились под наиболее ответственными частями здания, как, например, под пилонами главного портала и под угловыми минаретами. Ямы предварительно по нескольку раз наполнялись мутной арычной водой, которая, впитываясь в землю, оставляла прослойки осадочного мергеля. Бутовые кладки фундаментов, сложенные из рваных камней кремнистого сланца на хорошем известковом растворе, опускали на глубину до 5,5 метра и они представляли мощные монолитные уширившиеся книзу основания, несколько не пострадавшие с момента их сооружения.

Оказалось, что медресе со стороны Регистана как бы «вросло» в землю почти на два метра за счет накопления снаружи позднейших культурных наслоений. Они закрыли на еще большую высоту его боковые и задний фасады. В выкапывавшихся шурфах в разных местах на глубине появлялись прекрасные мраморные панели нижних частей здания, сложенные из отдельных плит. Они отличались очень хорошей сохранностью, и так досадно было затем их снова засыпать землей. Под главной аркой портала вскрыли остатки мраморных ступеней, по которым пятьсот лет назад люди, проходя в медресе со стороны Регистана, поднимались вверх, тогда как теперь, из-за повысившегося уровня площади, во двор медресе Улугбека приходится спускаться вниз по позднейшим крутым кирпичным лестницам.

Захватывавшие довольно значительные площади шурфы стали превращаться в расширенные раскопы и день ото дня приносили все новые и новые вещевые материалы и наблюдения. Вот из шурфа № 1-д в угловой дарсхане у падающего минарета из слоев первой половины XVIII века рабочие с веселыми шутками извлекают уже

четвертый десяток бараньих черепов и других костей домашних животных. Это остатки многих трапез, происходивших здесь около двухсот лет назад. Они служат неплохой иллюстрацией к скупому сообщению письменного источника, что в ту пору упадка всего Самаркандского вилайета и регистанские медресе покинутого жителями города кочевники загоняли на зиму свой скот. Накопившийся тогда в бывшей аудитории мусор позднее не вычистили, а лишь заровняли, настелили сверху жженный кирпич и таким образом значительно подняли уровень пола, как бы образовав в комнате возвышенную суфу.

Вот в широком шурфе № 13 у бокового южного портала, выше его суфы, одетой сквозной мраморной панелью, уже два часа подряд вынимают из мусорного ствола массу фрагментов впервые ставшей известной глиняной посуды XVII столетия. Это настолько ново, важно и интересно, что у края шурфа сгрудились все наличные сотрудники Самкомстариса. А на дне его без устали орудует своим шпателем Михаил Васильевич Столяров, покинувший по этому случаю свой «пост» на лесах у мозаичной надписи главного входа. Ему предстоит подбирать, склеивать, догипсовывать неожиданно найденную целую коллекцию утвари XVII века и он предпочитает сам выбрать из земли все, что она в себе сохранила.

Почти поверхностная расчистка под айваном одной из худжр в южной стороне двора дарит буквально целый «склад» синих, голубых и отчасти белых изразцовых кирпичиков XVII столетия. Ясно, что кто-то после производившегося тогда ремонта медресе Улугбека аккуратно сложил в ямке под полом айвана оказавшиеся лишними изразцы, чтобы приберечь их на будущее время. Над сокровенным «складом» была сложена ступен-

чатая суфа для сиденья. Разобранная несколько столетий спустя она очень своевременно открывает свое содержание. Изразцы тут же уносятся мастерами Абду-Кадыра, чтобы быть вмазанными в реставрируемую облицовку нижних частей медресе по главному фасаду.

Шурф № 11 у самого цоколя северо-западного углового минарета 16 августа вскрыл спрятанный в мешочке клад медных монеток. Остатки истлевшей ткани развеялись в порошок. Молодой сотрудник археологической секции тщательно выбирает из рыхлой земли вмятые ударом кетменя монетки нескольких типов. На пятидесяти кружках нет никаких надписей — одни розетки с обеих сторон. На двухстах неправильной формы, продолговатых, сужающихся книзу монетках выбито «чекан Самарканда», а на обратной стороне помещено изображение птицы, как будто аиста. А вот и одна серебряная монетка. Она-то и поможет определить время клада. Так и есть! Это сильно потертая от длительного обращения теньга не то Убайдуллы-хана, не то Абдуллы-хана. Значит, все эти неизвестные мелкие монетки принадлежат чекану династии шейбанидов XVI века. Нумизматическая новинка заворачивается в самодельный бумажный пакетик и получает условный шифр.

А сколько интересного раскрывают слои, непосредственно относящиеся ко времени возведения самого памятника! У северного бокового портала медресе, с наружной стороны, с глубины 30 сантиметров ниже уровня его, только что открытой мраморной панели 29 августа появился кусочек толстой фарфоровой шестиугольной плитки. По белому фону на нем синей краской нанесены желуди и дубовые листья. Это один из фарфоровых изразцов далекого Китая. Их оттуда выписал Улугбек специально для облицовки «фарфорового павильона» — чинни-хана в одном из своих пригородных

садов, расположенном у подножия возвышенности Чупаната к северу от Самарканда. Фрагмент мог попасть под землю ниже уровня панели только во время сооружения медресе и во всяком случае до его окончания. Не намекает ли он на одновременность возведения по приказу Улугбека этого высшего духовного учебного заведения и садового павильона для мирских увеселений? Ведь о времени сооружения последнего в письменных источниках нет точных дат.

И как же были довольны сотрудники всех трех секций, когда во время дневного перерыва 7 сентября им продемонстрировалась только что найденная квадратная синяя кашинная плитка с гнездами от вырезанных из нее разных форм элементов какого-то мозаичного набора! Ее извлекли из слоя с разными отходами производства кашинных изразцов в шурфе № 7, заложенном в углу большой ниши главного портала. А представляла она собой ту заготовку, на которой вырезали нужных форм кусочки фона и орнаментов. Этой находкой документально и убедительно раз навсегда разрешался давно спорный вопрос о технике изготовления на Среднем Востоке изразцовых мозаик. Кроме того, наличие отходов и брака показывало, что изготовление мозаичных панно шло прямо на месте строительных работ, по окончании каковых они и попали под половой настил из каменных плит.

Все шурфы, опускаясь ниже уровня пола медресе, вскрывали в следующем верхнем слое одну и ту же картину: остатки мелких построек конца XIV — начала XV веков с медными монетами и фрагментами утвари того времени. В одном месте была выташена почти целенькая небольшая белая чашечка-пиала с синим елочкообразным орнаментом по наружной стороне. Выяснилось с несомненной очевидностью, что когда при Улугбеке

приступали к сооружению его крупного медресе на самаркандском Регистане, ему должны были уступить место десятки подвергшихся разрушению мелких жилых строений и торговых помещений.

Глубже земля оказалась пронизанной массой средневековых ретиральных ям. Только в шурфе-раскопе № 1 по наружной стороне «падающего минарета» их было встречено семь, из которых две самые старые дали материал X и XI—XII веков, и, между прочим, дно чашки с изображением красно-коричневой птицы. Шурф у северо-западного минарета медресе Шир-Дор обнаружил, что поперек современной городской площади протекал раньше с юго-востока на северо-запад крупный канал, неся с собой мелкий песок и отлагая его на дне. Где-то неподалеку в него сваливали брак керамических изделий из близлежащих гончарных печей. Об этом говорили в изобилии найденные у минарета бесчисленные фрагменты не бывших в употреблении глазурованных и неполивных предметов, обточенные водою и перемешанные со слоями песка. По находкам можно было судить, что здесь, в пригороде тогдашнего Самарканда, центр которого находился в то время на городище Афрасиаб, изготовлялись стеклодувами и керамистами стеклянная и разнообразная глиняная утварь, резные неглазурованные облицовочные плитки, переносные орнаментированные домашние очажки, детские игрушки. Последние были представлены глиняными бубенчиками на коротких ручках, глиняными же полыми погремушками в виде пузатых птичек на трех подставках с закатанными внутрь шариками, разнообразными свистульками в виде животных. Вообще этот район, по данным шурфов, тысячу лет назад был застроен еще очень слабо и стал более интенсивно обживаться с XI—XII века и особенно после разгрома монголами в 1220 году города на

Афрасиабе. О значительной плотности жилой застройки уже в первой половине XIV века свидетельствовали остатки строений и ретиральных ям, бадрабов, содержавшие в себе массу характерных фрагментов поливной утвари этого времени, и в частности от изящных керамических чаш, покрытых многочисленными витиеватыми надписями.

В шурфе-раскопе № 1 у «падающего минарета» в зондажном колоде «А» удалось натолкнуться на факт исключительной значимости. До того времени красная глина считалась для Самаркандского района материковым грунтом, сложившимся до появления человека. Тут же оказалось, что в ней на глубине 9,8 метра от современного уровня земли имеется зольная прослойка, занимавшая площадь свыше 3 метров в диаметре и расположенная вокруг небольшой более или менее правильной формы ямы-очага. Последняя была доверху наполнена золой, углем, разгрызенными костями птиц и мелких млекопитающих. В частности, попадались черепа сусликов. Тут же лежали три небольшие шарикообразные галечки. Все это были следы какого-то временного пребывания здесь первобытного человека той поры, когда в долине Зарафшана еще проходил под влиянием водного фактора процесс накопления красной глины (или лёсса), перекрывшей собой зольное пятно, и очаг после оставления этого временного пристанища группой живших охотой людей.

Вообще археологический надзор за производившимися вскрытиями нижних частей медресе Улугбека дал столько разнообразного археологического материала, что вскоре угловая юго-восточная дарсхана превратилась в своего рода временный музей по истории здания и его территории. Вдоль стен на кирпичах были уложены в пять рядов доски, образовав сплошные стеллажи,

на которых поступающие из шурфов находки раскладывались в последовательности по глубинам, начиная с верхнего яруса через каждые пол-аршина. Объекты шифровались с нумерацией на небольших наклеивавшихся бумажных ярлычках. На стенах висели пояснительные чертежи и разные фотографии. Этот сложившийся сам собой музей памятника очень помогал при проведении экскурсий и охотно посещался населением ежедневно. Он получил полное одобрение, как весьма полезное нововведение в археологической практике, и от заехавшей в Самарканд 6 октября на обратном пути из Бухары комиссии специалистов во главе с академиком Василием Владимировичем Бартольдом.

Как раз в дни наибольшего оживления раскопочных работ на медресе Улугбека была решена судьба феодального анахронизма, дожившего до Великой Октябрьской революции — Бухарского эмирата. В конце августа бухарские повстанцы вместе с частями Красной Армии осадили столицу ханства. Первое и второе сентября были днями взятия города, бегства в Афганистан свергнутого эмира и провозглашения Бухарской Народной Республики. Она была вызвана к жизни, когда полуразрушенный Арк, оплот ее былых potentатов, полыхал еще в огне не затушенного после штурма пожара. Военные действия не прошли бесследно и для некоторых зданий вне цитадели; в частности в районе Бухарского Регистана, где попавший незадолго до взятия города снаряд произвел взрыв нескольких арб с порохом. Командование Красной Армии телеграммой уполномоченного Чукоснабарма (Чрезвычайной учетной комиссии по снабжению боевой армии) в порядке боевого приказа тотчас вызвало из Самарканда Вяткина для учета культурных ценностей, преимущественно старинных рукописей из собраний бежавших эмировских сановников, при-

нения мер к их охране, а также для выяснения наиболее интересных памятников архитектуры. Одновременно и независимо от этого в Ташкенте Цуардел организовал по своей инициативе междуведомственную комиссию для содействия бухарскому революционному комитету в деле охраны архивных документов, рукописей а также памятников старины и искусства. В ее состав, кроме В. В. Бартольда, вошли представитель от Туркестанского государственного университета профессор-арабист А. Э. Шмидт, от Туркестанского восточного института ориенталист П. Е. Кузнецов, от Туркестанской государственной публичной библиотеки ориенталисты Е. К. Бетгер и А. А. Гаррицкий. Комиссия выехала с большим запозданием, прибыла в Бухару только 26 сентября, большей частью санкционировала намеченные и отчасти уже выполненные Вяткиным мероприятия, а затем через десять дней приехала в Самарканд для ознакомления с работой Самкомстариса, чем она и занималась до 8 октября включительно.

В Туркестан В. В. Бартольд был командирован тогда только что созданной по особому декрету за подписью В. И. Ленина Российской Академией истории материальной культуры (РАИМК). В его задачи входило ознакомление с состоянием памятников прошлого, с условиями научной работы здесь и составление по соглашению с местными деятелями плана дальнейших исследований. По прибытии же в Ташкент он был там кооптирован Цуарделом.

Глубоко преданный своей науке Василий Владимирович старался быть предельно полезным всем, чем и как мог. В Самарканде он был занят буквально целыми днями. Он побывал в интенсивно развивавшемся тогда Областном музее, где, между прочим, помог расшифровать некоторые надписи и поддержал своим авторитетом

не встречавшее до того сочувствия начинание с организацией нумизматического отдела и со сбором соответствующих находок из числа местных находок. Хромой на одну ногу со времени падения с лошади во время своего первого приезда в Туркестан в 1893 году, он, прихрамывая, ковылял по всему Афрасиабу, неотступно следуя по его пересеченному рельефу за членами археологической секции при осмотре границ сильно разраставшихся в ту пору мусульманского и еврейского кладбищ и мест уже произведенных и возможных первоочередных раскопок. Кабинетный ученый, он при всем своем отвлеченном знании по письменным источникам города Афрасиаб — среднеазиатского шахристана Самарканда — на месте, вне комнатной обстановки терялся, то и дело спрашивал, где север; старался держаться как можно ближе к кому-нибудь из присутствующих, почти касаясь того локтем, чтобы не оказаться вынужденным идти по самостоятельному избранному бездорожью. Привычка иметь больше дела с книгой и органический недостаток зрения приводили к тому, что Василий Владимирович при посещении памятников не столько смотрел на самые объекты, сколько на лиц, дававших те или иные пояснения. Он «не видел» самих объектов, сам не воспринимал непосредственно от них ничего нового, если предварительно не был подготовлен чем-либо где-то прочитанным. Отлично понимая эту свою особенность, он сознавался, что не мог бы быть археологом из-за отсутствия необходимых природных качеств для работы над памятниками материальной культуры. Не всегда учитывая это, члены всех секций Самкомстариса прямо мучили почтенного академика. Его часами таскали вверх и вниз по медресе Улугбека, заставляли смотреть на всякие трещины, особенно кладок, их стыки, отмечающие разновременность происхождения, и ука-

зывали на всякие детали историко-археологического порядка, усматривавшиеся в шурфах. Василий Владимирович, тщательно скрывая свою беспомощность и непроизвольно кося глазами в разные стороны, добросовестно выслушивал на месте всякие пространные объяснения о том, чего он сам не ощущал, но до его сознания все это явно доходило в небольшой степени. Только позднее, поняв истинное положение, самкомстарисовцы перестали «обижаться» на Бартольда за его казавшееся невниманием к ним, усматривавшееся в недостаточной реакции на их высказывания, в как бы замалчивании лично ими сообщенных ему достижений и, наоборот, в опубликовании им часто каких-то отрывочных и случайных данных, которые, как выяснялось при проверке, черпались из письменных протоколов, далеко не всегда полно и верно отражавших действительную обстановку и условия.

Но при всем том Василий Владимирович в целом сумел увидеть в деятельности молодой советской научной организации то новое, что отличало ее стиль от аналогичных работ бывшей императорской археологической комиссии. На заседании 7 октября в присутствии большого числа лиц, приглашенных из среды самаркандской общественности, он отметил это прежде всего в стремлении Самкомстариса проводить у памятников архитектуры предварительные археологические исследования, которые, как предполагалось, должны отныне предшествовать осуществлению не только сложных реставрационных работ, но и просто крупным ремонтным мероприятиям. Бартольд очень одобрил это вообще, и в частности в отношении мавзолея Гур-Эмир, где планом намечались следующие первоочередные и детальные раскопки для выяснения истории памятника.

На этом же заседании было вынесено решение о запрещении музеям осуществлять какие бы то ни было раскопки. Вместе с тем и комиссия в целом не признала себя компетентной для производства самостоятельных крупных раскопок на Афрасиабе, к каковым предполагалось привлекать представителей РАИМК. Таким образом, при полном единомыслии 7 октября 1920 года как бы было зафиксировано положение, по которому археологии Средней Азии на ближайшее время отводилась по условиям момента в основном вспомогательная роль на службе охраны памятников архитектуры.

Поздно вечером 8 октября комиссия Цуардела выехала в Ташкент, а получивший от нее моральную поддержку Самкомстарис с большей уверенностью продолжал свою работу по «новому руслу». До конца года количество шурфов-раскопов было доведено до 22. Временный музей значительно вырос, хотя часть наиболее ценных в научном отношении объектов из него была на руках перенесена на постоянное хранение в Самаркандский областной музей. Сами шурфы давали такую красноречивую стратиграфию, что в археологической секции возникла мысль не ограничиваться, как первоначально предполагалось, архитектурными обмерами и профилями.

М. Е. Массоном было выдвинуто предложение произвести детальный обмер всех стенок шурфов-раскопов и дать по ним развертку в ортогональных проекциях. Шурфов было много. Некоторые были очень велики и сложны как по конфигурации, так и по тому, что включали в себя дополнительные глубокие колодцы. Дело с обмером и разверткой казалось слишком большим по объему, неясным по выполнению и излишне трудоемким. Как всякое новшество оно не позволяло ясно представить, что из этого может получиться, и не выз-

вало к себе особого сочувствия у специалистов старшего поколения.

— А главное, кто это все будет выполнять? — раздраженно возражал даже самый «передовой» член Самкомстариса, Мауер. — Ведь людей же свободных у нас нет!

— Я! — горячо вырвалось у самого молодого члена комиссии.

— Вы сами? — опустив очки на кончик носа, резко повернувшись ко мне, глядя в упор поверх стекол, уже с раздумьем переспросил Михаил Федорович.

— Да! Только дайте на время в помощь техника Брукмана, — тотчас последовал ответ.

— Ну, если Массон будет это делать сам, я не возражаю, — как-то сразу передумав, другим тоном заключил Мауер, обводя всех присутствующих своим взглядом, дававшим понять, что он теперь почти «союзник» нового начинания. — Брукмана я смогу освободить через два дня, когда он закончит со мной некоторые измерения по минарету.

Решительная перемена позиции Михаила Федоровича заставила смолчать «оппозиционное большинство», и на третий день рано утром мы с Брукманом вдвоем принялись обсуждать в холодной дарсхане, как лучше всего практически осуществить задуманное. После намаза пешин, вслед за которым на работах объявлялся дневной перерыв, я уже выкрикивал из глубины шурфа цифры размеров и данные слоев Брукману, примостившемуся на верхних перекладинах спущенной в яму десятиметровой лестницы.

Молодой техник из бывших военнопленных австрийской армии, Брукман оказался не только очень сообразительным помощником, но и добродушно-покладистым товарищем, которого легко можно было уговорить, когда нужно, провести в грязных ямах пару лишних часов

сверх оплачивавшегося ему рабочего времени, перемещаться местами, ролями и функциями на площадках, лестницах и жердях в глубоких колодцах, переделать, а то и заново начать почти выполненную работу, когда приходила вдруг мысль о возможности сделать ее лучше по-другому. Несмотря на холодную зиму, в связи с чем на дню по несколько раз приходилось вылезать и бежать в чайхану греть заочеревшие руки, работа по обмеру и вычерчиванию шурфов шла быстро, хотя однажды была неожиданно прервана совершенно непредвиденным случаем.

Стоял один из морозных декабрьских дней, когда люди, закутавшись плотнее в шубы или ватные халаты, стремились забиться от холода в более теплые места, и на Регистане было почти безлюдно. Мы с Брукманом торопились закончить обмер одного из крупных раскопов и находились как раз на дне «колодца» до 11 метров глубины, когда услышали и даже скорее интуитивно ощутили что-то неладное на краю шурфа. Вскинув головы, мы увидели, как сверху на нас летела глыба из спаянных алебастровым раствором нескольких жженных кирпичей. Мы прижались друг против друга к стенке узкого «колодца» и подняли вверх руки, прикрывая ими голову. Из-за быстро пронесившихся в мозгу мыслей казалось, что глыба опускается очень медленно, почти как пушистое перо, и прямо на мою голову. На некоторой высоте она ударилась о выступавшую в стенке колодца древнюю кладку и чуть отклонилась от линии своего падения. Осыпав меня мелкими комьями земли и кусками кирпичей и сорвав до костей с кисти левой руки клочок кожи с мясом, глыба всей тяжестью рухнула на носок грубого австрийского ботинка Брукмана, раздробив пару фаланг двух пальцев на его правой ноге. Рванувшись тотчас к лестнице, мы оказались через ми-

нуту на поверхности земли и успели разглядеть спину убежавшего неизвестного молодого чалмоносца в синеватом халате, скрывшегося за углом медресе Тилля-Кари. Других людей поблизости не было.

Брукман целую неделю не выходил после этого на работу. По Самкомстарису, во избежание возможности повторения такого случая, было сделано строгое распоряжение, чтобы на время обмеров шурфов наверху неотлучно присутствовал бы рабочий, в обязанности которого входило не подпускать к краям ям посторонних людей. А через некоторое время выяснилось, что глыба кирпичей упала не случайно, ее сбросил в шурф молодой мулла, учащийся медресе, по наущению реакционно настроенных лиц из мусульманского духовенства в порядке мести за закрытие революционной властью его alma mater. Покушение не удалось.

Брукмана сменил молодой техник Богданов, и вскоре в распоряжении Самкомстариса уже имелось несколько листов чертежей с детальным показом разрезов и разверток многочисленных шурфов у медресе Улугбека, которые явились вместе с тем, и первыми археолого-стратиграфическими разрезами вообще по Самарканду. Новая методика фиксации стенок раскопов получила признание. Она прочно вошла в практику последующих работ, проводившихся с тех пор в Средней Азии.

Вообще научно-исследовательская деятельность трех секций Самкомстариса в 1920 году на медресе Улугбека во всем ее многообразии, с ее немалыми размахом и поисками явилась неплохой школой в новом для Средней Азии деле охраны, ремонта и реставрации памятников старины.

В следующем году его возглавил в масштабе всей Туркесреспублики специально учрежденный в Ташкенте орган — Турккомстарис, переименованный несколько лет

спустя в Средазкомстарис (Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы).

* * *

С 1920 года много лет протекло в дальнейшем обстоятельном изучении «падающего минарета» медресе Улугбека. К участию в разработке вопроса о нем был привлечен большой коллектив как местных, так и центральных работников. На основе представленных Мауером данных Кузнецовым был составлен первый проект выпрямления минарета. Проект отклонили, так как он требовал приложения усилий в несколько сот тонн, что могло раздавить самый минарет. Позднее, в соответствии с предложенной Мауером идеей, известным московским специалистом инженером Владимиром Григорьевичем Шуховым был разработан второй проект. В связи с этим Мауер ездил в Москву и подолгу сживал с Шуховым за обсуждением деталей. Когда в 1927 году московский завод «Мосмет» прислал в Самарканд металлические конструкции, специально изготовленные с внесением его инженерами некоторых изменений, Михаил Федорович с метром и с лупой в руке сам просмотрел все ответственные части арматуры и обнаружил ряд недочетов, которые при практическом выполнении проекта могли бы привести к пагубным последствиям.

Снова выехал Мауер в Москву. Придя на квартиру Шухова, он сразу же после приветствия тут же в передней решительно заявил:

— С такой арматурой минарет рухнет!

Вошли в кабинет. Шухов проверил расчеты мосметовцев.

— Вы ошибаетесь, Михаил Федорович. Балки выдержат.

— Балки-то выдержат, а минарет полетит,— отпарировал Мауер и тут в двух словах изложил, к чему может привести недоучет миллиметров. Железные балки, имевшие в сечении до 40 сантиметров высоты, были действительно прочны, хотя придиричивый Мауер углядел в них нежелательные раковины. Но, работая, каждая балка даст некоторый прогиб без потери прочности. Однако при подведении всех их под ствол огромного минарета получится общий прогиб до 4 миллиметров, в результате чего середина платформы не будет участвовать в распределении тяжести, давление всего массива башни перейдет на края, и старинный минарет неизбежно рухнет.

Владимир Григорьевич только ахнул.

Завод, признав после этого допущенную его инженерами ошибку и справедливость требований строгого самаркандского архитектора, за свой счет переделал отдельные части конструкции по заказу комитета.

Наконец, в 1932 году установленную арматуру привели в действие. Огромный ствол минарета был целиком отделен от своего основания и закреплен на раме с шатунами. Вся поврежденная его нижняя часть от уровня фундамента на высоту нескольких метров была удалена. Ее заменили капитальной железобетонной кладкой. Прилагая усилие всего в 12 килограммов, короткими поворотами винта с паузами разной длины в течение нескольких часов ствол минарета медленно качнули в обратном падению направлении и... выпрямили. Вытащив затем постепенно из-под него одну за другой мощные двутавровые железные балки, установили минарет на новом основании в вертикальном положении.

Все прошло благополучно. Отслужившие свое тросы былой «чертовой гитары» вяло, словно бессильные, обвисли, и их тотчас сняли за ненадобностью. А еще через

небольшой промежуток времени освобожденный от деревянного корсета, тяжей и металлической конструкции минарет предстал во всей своей стройной красе с обновленной облицовкой из мраморных плит и изразцов у своего основания.

Так в Средней Азии впервые был спасен от гибели средневековый минарет, архитектурный шедевр местного зодчества. Ничего подобного не знала до того мировая реставрационная практика в части памятников Востока. Смелость замысла, простота идеи, несложность технической арматуры и точность расчета делают честь достижениям советской технической мысли.

Стоя на Регистане перед главным фасадом огромного массива пятисотлетнего медресе Улугбека, даже случайный зритель может понять значимость проделанного. Сами работники тогдашнего комитета по охране памятников заслужили право с гордостью оглянуться на пройденный тернистый путь «борьбы за минарет». Это и ощущали по-разному все от старого главного инженера-архитектора до усты-мастера и подручного рабочего. Недаром скоро после того один из десятичников Узком-стариса, Василий Васильевич Гончаров, умирая, просил запечатлеть в эпитафии на своей намогильной каменной плите, что он был участником работ по выпрямлению минарета.

Воля его была выполнена.

Михаил Евгеньевич Массон

доктор исторических наук

ПАДАЮЩИЙ МИНАРЕТ

Издательство «Узбекистан»—1968—Ташкент

Редактор А. Муракаева

Худож. редактор М. Гумаров

Техн. редактор Т. Аббасов

Корректор Д. Умарова

Сдано в набор 30/VI-1967. Подписано к печати 17/VII-1968. Формат 70х108¹/₁₆. Печ.
л. 1,375. Усл. печ. л. 1,92. Уч.-изд. л. 1,73+0,36 вкл. Тираж 50000. Р04600. Издатель-
ство «Узбекистан» Ташкент, Навои, 30 Договор № 150—67. Отпечатано на
бумаге № 1

Гипография № 3 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати, Ташкент,
Навои, 30 Зак 683 Цена 14 к.

Массоя М. Е.
М32 Падающий минарет. (Северо-Восточный минарет
Самаркандского медресе Улугбека). Т., «Узбекистан»,
1968.

44 стр. с илл. Тираж 50000.

72СІ

№ 484—68
Гос. б-ка УзССР им. А. Навои.

2-8-4
1968